

ОТДѢЛЪ III.

I. МЕЛЕІЯ СТАТІИ И ЗАМѢТКИ.

«Рѣчь тонкословія греческаго» — памятникъ среднегреческаго языка XIII в. ¹⁾.

Въ памятникахъ древне-русской письменности мы находимъ цѣлый рядъ греческихъ словъ въ русской транскрипціи. Важность этого лингвистическаго матеріала для исторіи греческаго языка уже подчеркнута акад. А. И. Соболевскимъ (Русск. Филол. Вѣстн. т. IX, 1 — 6; 274 — 278; X, 163 — 166).

Къ сожалѣнію содержательныя статьи этого ученаго не исчерпываютъ даннаго вопроса, затѣмъ онѣ составлены до появленія въ свѣтъ капитальныхъ изслѣдованій по греческому языку аѳинскаго проф. Г. Н. Хаджидакиса (въ особенности его «*Einleitung in die neugriechische Grammatik, Leipzig 1892*»), положившаго начало новому направленію въ области изученія новогреческаго языка (см. Dieterich, *Untersuchungen* p. XII, G. Meyer, *Neugriechische Studien* I, 19). А. И. Соболевскій въ своихъ «Этюдахъ» останавливается главнымъ образомъ на греческихъ *заимствованіяхъ* въ памятникахъ старославянской письменности. Въ виду направленія его занятій вполне естественно, что онъ оставилъ въ сторонѣ не менѣе драгоцѣнные для исторіи греческаго языка матеріалы древне-русскихъ азбуковниковъ или алфавитовъ иностранныхъ рѣчей, а также многочисленные древне-русскіе словари и глоссаріи, въ которыхъ приводятся народно-греческія слова и выраженія, не вошедшія въ составъ славян-

1) Настоящая статья представляетъ собой нѣсколько переработанный докладъ, читанный мною въ Императ. Обществѣ Любителей Древней Письменности, въ засѣданіи 3 марта 1906 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагающій очеркъ является предисловіемъ къ подробной работѣ: «Опытъ лингвистическаго и филологическаго изученія текста», «Рѣчь тонкословія греческаго», печатающейся въ «Сборникѣ отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ».

скихъ языковъ¹⁾. Среди славянскихъ источниковъ подобнаго рода особенное значеніе имѣетъ для исторіи греческаго языка текстъ «Рѣчь тонкословія греческаго», не такъ давно изданный проф. Н. К. Никольскимъ²⁾. Текстъ, сколько я знаю, дошелъ до насъ въ четырехъ спискахъ. Первый изъ нихъ (А), использованный первымъ издателемъ нашего памятника, принадлежитъ СПб. Духовной Академіи; второй (В), найденный, повидимому, недавно и указанный мнѣ проф. Н. К. Никольскимъ и акад. А. А. Шахматовымъ, принадлежитъ СПб. Археографической Коммиссіи. Третій списокъ (С) найденъ мною въ составѣ Алфавита Иностранныхъ Рѣчей Имп. Публ. Библіотеки, Погодинск. Собранія № 1655, XVII вѣка; четвертый (D)—найденъ П. К. Симони въ рукописномъ Сборникѣ Соловецкаго Монастыря № 860, на 452 л. (Библіотеки Казанск. Дух. Акад. № 970),—рукописи относящейся къ половинѣ XVI вѣка (см. Симони, Извѣстія отд. русск. яз. XIII, 1, 193—212).

Палеографическія особенности академическаго списка (А) заставляютъ догадываться, что онъ сдѣланъ *не позже* начала XVI в.³⁾ Путемъ сличенія почерка этого списка съ часословомъ Кирилловской библ. № 275—532, принадлежавшимъ нѣкогда извѣстному Паисію Ярославову, учителю преп. Нила Сорскаго, проф. Никольскій, въ предисловіи къ своему изданію Р. Т. Гр., весьма остроумно доказалъ, что списокъ А относится къ концу XV в. и принадлежалъ тому же Паисію (см. Никольскій, Р. Т. Гр. стр. IX—XII). Догадка проф. Никольскаго подтверждается археографическимъ спискомъ нашего памятника. Этотъ списокъ В въ разныхъ мѣстахъ содержитъ намеки на принадлежность Вассіану Патрикееву и такимъ образомъ долженъ быть отнесенъ къ XVI в. Но какъ Вассіанъ, такъ и Паисій принадлежали къ извѣстному кружку Заволжскихъ старцевъ и весьма вѣроятно, что въ этой образованной средѣ, многіе члены которой благоговѣли предъ трудами Максима Грека (см. А. Н. Пыпинъ, Исторія русской литературы² II, стр. 120—129; А. Галаховъ, Исторія русской словесности³, т. I, отд. I, стр. 336 сл.), именно по нашему тексту занимались изученіемъ греческаго языка.

Описки, встречающіяся въ очень большомъ количествѣ во всѣхъ четырехъ спискахъ нашего памятника, позволяютъ намъ сдѣлать слѣдующіе выводы относительно взаимоотношенія списковъ Р. Т. Гр.

1) Для ознакомленія съ памятниками этого рода въ настоящее время особенно важенъ трудъ С. К. Булича, Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи, Спб. 1904, т. I, 160 сл. и указанную тамъ литературу. Объ этихъ памятникахъ см. также рецензію на этотъ трудъ А. И. Соболевскаго, Русск. Фил. Вѣстн. 1905, кн. 2, стр. 317—320 (сравни отвѣтъ С. К. Булича: Къ исторіи языкознанія въ Россіи, Спб. 1905.) и статью М. И. Сухомянова: О языкознаніи въ древней Руси, Ученыя Записки 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ кн. I, Спб. 1854, стр. 183—260.

2) Точное заглавіе этого изданія: Н. К. Никольскій, Рѣчь тонкословія греческаго. Русско-греческіе разговоры XV—XVI вв. (sic). «Памятники древней письменности», томъ CXIV (Спб. 1896).

3) Библіотека Спб. Духовной Академіи, Софійск. собр. № 1474. Описаніе рукописи см. Н. К. Никольскій «Рѣчь тонкословія греческаго» стр. V—VIII.

1) Ни одинъ изъ трехъ списковъ не представляетъ подлинника Р. Т. Гр.; всѣ они — *копiи*. Доказательствомъ служить множество описокъ общихъ и частныхъ во всѣхъ этихъ спискахъ, понятное только при переписыванiи.

2) Ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ не списанъ прямо съ подлинника, а всѣ они въ свою очередь списаны съ *копiй*. И это доказываетъ рядъ *описокъ* общихъ сп. ABCD: василевъ 1, 2; спетронъ 1, 13; и проч.

3) Списокъ А долженъ быть признанъ наиболѣе древнимъ и полнымъ. Списокъ В въ виду большаго количества описокъ долженъ быть отнесенъ къ болѣе позднему времени, что подтверждается палеографическими его особенностями (см. Симони, Извѣстiя XIII, 1, 193 сл.). Списокъ D — приблизительно того же времени, но содержитъ только начало (1, 1; 2, 7: и и'ни мнози) и конецъ (34, 4 сл.) памятника; наконецъ, болѣе позднiй С — полнѣе D, но совершенно нарушающiй порядокъ словъ другихъ списковъ нашего текста.

4) Самостоятельныя ошибки списковъ А, В, С (напр. А: ѳ ео 1, 1; петр 1, 14; В: ὡς αἰε, лизмос 1, 21; та исобiа 1, 22; С: мартистиѳ 1, 10; парасковина 1, 20; etc.) заставляютъ насъ предполагать, что ни одинъ изъ нихъ не списанъ прямо съ другого, ибо слова, совершенно исковерканныя въ А или С, въ В написаны вполне правильно, и обратно. Значить прямой зависимости между этими списками нѣтъ.

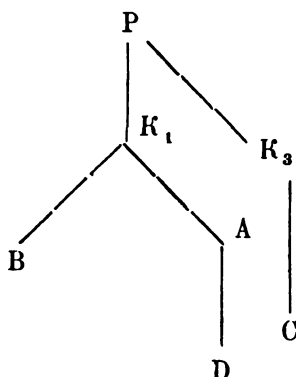
5) Описки, общiя А и В, какъ мисистикосъ (μυστικός) 2, 5; ферени (φορέναι) 7, 20; но исправляемыя на основанiи С, гдѣ мистикосъ, форени etc. показываютъ, что С списано съ списка, не тождественнаго съ ближайшимъ, общимъ источникомъ списковъ А и В. Сколько было промежуточныхъ звеньевъ между С и подлинникомъ, при современномъ рукописномъ преданiи текста, сказать не возможно.

6) Списки А и В, рядомъ съ частными, содержатъ довольно большое количество общихъ описокъ: про наѳатоу вм. про еанатоу, πρὸ θανάτου 3, 5; на кимато вм. на кимито, καὶ κοιμηθῶ 2, 13; ἐπιγαгаѳ вм. ἐπιγανῆ πῆγαν 8, 2; пафори вм. панофори, παυωφόρι 13, 21, и проч. Это доказываетъ, что оба они прямо или косвенно восходятъ къ одной общей копiи K₁. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣста, искаженные въ А, въ В искажены еще болѣе. Напр. φουστάν 13, 20, передается въ А: ѳоустани, въ В: доустани. Далѣе, въ А мы имѣемъ правильное иѳгораса 13, 29, въ В — иѳраса (ἡγόρασα), съ ѳ вм. ѳ, которое повидимому заставляеть предположить въ рукописи, съ которой списано В, начертанiе ѳ, какъ переходную ступень отъ ѳ къ ѳ и т. д. — Отсюда явствуется, что В списано не прямо съ того списка K₁, къ которому непосредственно восходитъ А, а списано съ другой копiи K₂, одинаковаго, приблизительно, достоинства съ А, восходящей въ свою очередь къ K₁.

7) Списокъ D кромѣ новыхъ описокъ, какъ іперелемон 1,1; параскови 1,20; гениисѣ 1,21; исѣдѣа 1,22; анастисѣ 2,2; не прибавляетъ ничего новаго къ критикѣ текста Р. Т. Гр. За то очень важно повтореніе въ немъ всѣхъ ошибокъ имѣющихся въ А: ѡ фѣѡ 1,1; василео 1,2; спетронѣ 1,13;—признакъ того, что D списано съ А.

8) Сколько было промежуточныхъ звеньевъ между С и подлинникомъ, а также между D и А,—сказать пока не возможно, ибо переписчики С и D не сполна списали, а лишь эксцерпировали Р. Т. Гр.

Итакъ, на основаніи сказаннаго, взаимоотношеніе списковъ Р. Т. Гр. представляется въ слѣдующемъ видѣ ¹⁾:

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ копіями и слѣдовательно *палеографическія особенности* нашихъ списковъ для датировки памятника *не имѣютъ значенія*.

Славянскій текстъ (я называю его славянскимъ, ибо *русское* происхожденіе его должно быть еще доказано ²⁾) для этого также непригоденъ, ибо при переписываніи долженъ былъ подвергнуться довольно значительнымъ измѣненіямъ со стороны переписчиковъ. Остается греческій текстъ памятника, къ общему разсмотрѣнію котораго я и перехожу; для датировки Р. Т. Гр. эта часть памятника особенно цѣнна.

Большая часть греческаго текста Р. Т. Гр. составлена изъ евангельскихъ отрывковъ (Напр. 11, 10—13; 33, 28—34, 6; 34, 14—24; и проч.); кромѣ того, много мѣста въ немъ занимаютъ названія родственниковъ (см. 1, 16—19; 28, 17—23; 30, 6—10 и проч.), перечни церковныхъ праздниковъ (см. 1, 19—2, 6; 34, 19—22; и т. д.), богословскіе термны (напр. 1, 1—11; 25, 11—18; 31, 15—18; 34, 7—13; 34, 19—24 и т. д.).

1) Чрезъ Р обозначается подлинникъ, К₁ К₂ К₃ и проч. — утраченныя копіи Р. Т. Гр.

2) Аргументы, которые въ пользу русскаго происхожденія «Рѣчи тонкословія греческаго» приводятся Н. К. Никольскимъ (Рѣчь тонкословія греческаго, стр. IV—V) мнѣ кажутся весьма мало убѣдительными (о чемъ ниже стр. 456 сл.).

Для лингвиста эти отрывки нашего памятника не имѣютъ значенія: въ нихъ мы находимъ слова и выраженія, съ первыхъ вѣковъ христіанства удержавшіяся до настоящаго времени въ греческихъ богослужебныхъ книгахъ. Но рядомъ съ этими традиціонными формами въ Р. Т. Гр. мы находимъ довольно обширные списки народно-греческихъ названій рыбъ (11, 25—30), животныхъ (9, 8—14; 12, 9—17), птицъ (9, 15—18; 13, 15—19 и т. д.), насѣкомыхъ (9, 18—21; 12, 15—20; и т. д.), растений (9, 21—29; 12, 1—8; 21—24; и проч.), металловъ (1, 11—15; и проч.), частей человѣческаго тѣла (26, 11—27, 5; и т. д.), названій человѣческой одежды (13, 19—26; и т. д.), ремесленныхъ орудій (12, 25—13, 16; и др.) и т. д. Здѣсь же мы находимъ довольно пространныя монашескія бесѣды на народномъ языкѣ (напр. 2, 7—9, 8; 9, 29—10, 14; 10, 30; 11, 9; 13, 27; 15, 10; и т. д.), и вотъ эти отдѣлы нашего памятника допускаютъ не только датировку его ¹⁾, но и опредѣленіе того греческаго говора, результатомъ изученія котораго является данный текстъ.

Въ «Рѣчи тонкословія греческаго» прежде всего обращаютъ на себя вниманіе слова съ суффиксомъ—*όνι*: *μοῦρόνι* 11, 26; *γοῦρόνι* 9, 11; и др., которымъ въ современныхъ греческихъ говорахъ соотвѣтствуютъ формы *γοῦρούνι*, *μοῦρούνι* и проч. (см. Dieterich, Untersuchungen, p. 17—19; Hatzidakis, Einleitung 90). Образование — *όνι* изъ — *όνι* — явленіе довольно древнее: формы въ родѣ *γοῦρούνι* встрѣчаются уже у Продрома (XII в.), а у поэтовъ XV вѣка это уже вполне обычное явленіе ²⁾. Хронологически — *όνι* изъ — *όνι* не можетъ быть въ точности опредѣлено, въ виду скудности матеріаловъ по средне-греческому языку и въ виду ненадежности средне-греческихъ памятниковъ (о чемъ Hatzidakis, Einleitung 234—245). Объясняется же это измѣненіе (см. M. Vasmer, B. Z. XVI, 539—544; Kretschmer, B. Z. X, 584 sq.) слѣдующимъ образомъ: въ греческихъ заимствованіяхъ изъ итальянскаго языка сѣверно-итальянское узкое *o* постоянно передается чрезъ греческое *u*. Это — вполне естественно, ибо сѣв.-итал. *o* въ сравненіи съ греческимъ имѣетъ зна-

1) Общія замѣчанія, на основаніи которыхъ Н. К. Никольскій относитъ текстъ къ XV в., мнѣ кажутся столь мало обоснованными, что я не считаю нужнымъ при слѣдующемъ изложеніи вступать съ нимъ въ полемику по этому поводу (см. Н. К. Никольскій, «Рѣчь тонкословія греческаго» стр. IV—V, особенно примѣчаніе, далѣе стр. XXI—XXII).

2) *καρβούνι*: Glykas 130 (см. Hatzidakis, Einleitung 28—29); Prodromus II, 30, 617; III, 441 (Legrand); *γοῦρούνι*: Prodromus II, 73 (XV в.); III, 73; *μοῦρούνι*: Prodrom. III, 195a; *καρβούνι*: Spancas (Wagner, Carmina 2) 28; *κοῦδούνι*: Belisarius (Wagner, Carmina 312) v. 267; *κεντρούνι*: Emanuel Georgillas, Belisar. (Wagner, Carmina 322) v. 16; и т. д. Сравни: *σαπώνι* Prodrom. II, 37; рядомъ съ *σαπώνι*: Prodr. II, 147; III, 146; *βλησχούνι*: Prodr. III, 569 и проч.—Даже если предположить, что эти формы на—*ούνι* въ текстѣ Продрома внесены позднѣйшими переписчиками, то эти формы для нашей цѣли все же будутъ имѣть значеніе: онѣ показываютъ, что замѣна —*όνι* чрезъ—*ούνι* произошла въ XIII—XIV вв.

чительно болѣе закрытую артикуляцію. Такимъ образомъ многочисленныя итальянскія слова съ суфф. — *опе* (изъ лат. — *опем*), какъ напр. *cantone, capone, bastone* и проч., на почвѣ греческаго языка должны были принять форму: *καπτοῦνι, καποῦνι, βαστοῦνι* и проч. (другіе примѣры см. Kretschmer, Byz. Zeitschr. X, 584 sq.; G. Meyer, Neugriechische Studien IV, 3 sq.).

Такъ въ греческомъ языкѣ вмѣстѣ съ романскими заимствованіями установился суфф. — *оῦνι*, который, вслѣдъ затѣмъ, былъ перенесенъ и на исконно-греческія слова. Такимъ образомъ изъ *χωδώνιν, ῥωθώνιν* и проч. получилось *χωδοῦνι, ῥουθοῦνι* и т. п. (см. Kretschmer, Byz. Zeitschr. X, 584 sq.). Точно также современное *γουροῦνι* объясняется изъ неизвѣстнаго доселѣ *γουρόνιν* 9, 11, впервые встрѣчающагося въ нашемъ памятникѣ, но вполне понятнаго въ виду Гесихіевскаго *γρῶνα* (см. Fou, Lautsystem 115), откуда уменьшительныя *γρῶνιον, γουρῶνιον*. Также понятно современное *μουροῦνι* изъ средне-греческ. *μουρόνι* 11, 26 (что изъ др.-греч. *μούρινα*), впервые встрѣчающагося въ нашемъ текстѣ. — Можетъ быть сюда же слѣдуетъ отнести форму *τσίρόνι* 11, 30, «моль» (т. е. самая мелкая рыбка, недавно выведшаяся, мольга, см. В. Даль, Толковый словарь живого великорусскаго языка³ II, 897 s. v. моль), которая не имѣется, сколько я знаю, ни въ среднегреческихъ памятникахъ, ни въ новогреческихъ діалектологическихъ словаряхъ. Скорѣе всего это — *deminutivum* къ среднегреч. *τίρος*, Theod. Prodr. I, 28 Legrand = I, 96¹⁾ Koraïs, «*Атахта*, которое G. Meyer'омъ *Türkische Studien* I, 22 выводится изъ др.-греч. *σκιρρός*, твердый; болѣе вѣроятно, на мой взглядъ, видѣть прототипъ этого *τίρος* въ др.-греч. *σκιρρός* «*verhärtetes Geschwür*» (о кот. Prellwitz² 418). Къ измѣненію значенія: «*Geschwür* > «*Fisch*», я ссылаюсь на слово *γούγρος* см. со значеніемъ «рыбы» (примѣры см. L. Meyer, Handbuch III 23). Во всякомъ случаѣ семасіологія нѣмаетъ намъ принять для этого слова этимологію Koraïs'a, Xenocrat. 82, 210, изъ др.-греч. *κίρρος*, а фонетика препятствуетъ сопоставленію его съ др.-греч. *ξηρός* (о кот. Amantos—Krumbacher, Sitzungsber. d. Münch. Akad. 1903, p. 346 и 368).

Для хронологіи указаннаго измѣненія — *оῦνι* въ — *оῦνι* въ «Рѣчн тонкословія греческаго» также имѣются кой-какіе намеки: сѣв. итальянскія слова на — *опе* *сейчасъ же* при заимствованіи греками принимали форму — *оῦνι*; но для того, чтобы это — *оῦνι* повліяло и на исконно-греческія слова, нужно было особенно сильное воздѣйствіе со стороны итальянскаго языка; и вотъ, это вліяніе, на основаніи историческихъ данныхъ, должно быть отнесено ко 2-й половинѣ XII в. (подробности G. Meyer, Neugriechische Studien IV, 3; W. Heyd, Le colonie commerciali degli Italiani in Oriente nel medio evo, Venezia 1868)—и дѣйствительно, съ XIII в. мы не можемъ указать случаевъ съ — *оῦνι* въ исконно греческихъ сло-

1) *Τίρος* см. также Prodr. III, 201a; II, 201; VI, 96 (Legrand) etc.

вахъ. Стало быть, «Рѣчь тонкословія греческаго» еще относится къ эпохѣ до этого сильнаго итальянскаго воздѣйствія, слѣдствіемъ котораго было измѣненіе—*όνι* въ—*ούνι*; но такъ какъ это воздѣйствіе особенно усиливается во второй половинѣ XIII в. (см. G. Meyer, *Neugriechische Studien* IV, 2 sq.; H. Gelzer, *Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte*, p. 1036—1044), къ которой, такимъ образомъ, слѣдуетъ отнести и указанное измѣненіе—*όνι* въ—*ούνι* (Kretschmer с. l.), то «Рѣчь тонкословія греческаго» должна быть отнесена именно къ этому времени. Иначе, мнѣ кажется, нельзя объяснить сосуществованія въ нашемъ памятникѣ болѣе древнихъ формъ на—*όνι*: *γουρόνιν* 9, 10; *μουρόνι* 11, 26; *τσιρόνιν* 11, 30 и т. д. и позднѣйшихъ на—*ούνι*: *ρουθοούνι* 27, 18; *κάρβουον* 13, 9 и проч.

Сравненіе языка нашего памятника съ языкомъ народно-греческихъ поэтическихъ произведеній поздняго средневѣковія подтверждаетъ эту датировку. У Продрома (XII—XIII вв.) чередуются формы *ἰδιός* и *ἑδιός* ¹⁾ съ явнымъ преобладаніемъ первой; писатели XV в. употребляютъ почти безъ исключенія вторую форму, а первая у нихъ встрѣчается только по традиціи ²⁾ (сравни: Hatzidakis, *Einleitung* 234—245). Въ «Рѣчи тонкословія греческаго» употребляются обѣ формы, при чемъ преобладаетъ болѣе поздняя: *ἰδιός*: 10, 8; 14, 16; 23, 20; и проч. *ἑδιός*: 3, 12; 4, 10; 10, 21; 15, 9; 10; 16, 13; 14; и проч. Отсюда видно, что нашъ текстъ относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ поэмы Продрома, но составленъ до XV в. (ибо памятники этого времени знаютъ только *ἑδιός*), что вполне совпадаетъ съ приведенной датировкой.—Кромѣ того въ «Рѣчи тонкословія» имѣются 2 формы 3 лица единств. числа *praesentis verbi substantivi*: *ἔνε* и *εἶνε* ³⁾: первая, болѣе древняя, употреблена разъ 50, вторая, позднѣйшая — 3. Это также указываетъ на XIII в., какъ на время составленія нашего памятника. Считать форму *ἔνε* отраженіемъ говоровъ Понта или Кипра, гдѣ болѣе древнее *ἔνε* удержалось до настоящаго времени (Hatzidakis, *Einleitung* 207; Thumb, *Handbuch d. neugr. Volksspr.* 104), мы не имѣемъ права, ибо цѣлый рядъ другихъ особенностей фонетики, морфологіи и въ особенности словаря нашего памятника указываетъ на Фессалію или Македонію какъ на мѣсто его происхожденія ⁴⁾.

1) О причинахъ измѣненія *ἰδιός* въ *ἑδιός* см. Jannaris, *Historical greek grammar* 80 и 350;

2) *ἰδιός*: Spaneas 605; 641 (Wagner *Carmina*); Belisar. 194 (Wagner); Spaneas 144; 206 (Legrand, *Bibliothèque grecque vulgaire*). Значитъ, приблизительно въ эпоху Спанея происходила замѣна *ἰδιός* чрезъ *ἑδιός*.

3) «Рѣчь тонкословія»: *ἔνε*: 2, 10; 16; 19; 3, 1; 2; 4; 17; 24; 28; 5, 2; 16; 30; 7, 13; 10, 4; 8; 15, 10; 11; 23; 27; 16, 3; 6; 8; 12; 17; 26; 17, 1; 2; 3; 4; 7, 11; 18, 7; 26; 20, 5; 21, 7; 27; 28; 29; 23, 3; 27, 7; 17; 22; 28, 9; 29, 8; 10; 22; 26; 30, 1; 4; *εἶνε*: 5, 11; 14; 21, 6.

4) Если бы *ἔνε* нашего памятника было кипрской диалектической особенностью, то тутъ же слѣдовало бы ожидать и отраженія въ транскрипціи существованія

Для датировки «Рѣчи тонкословія греческаго» важны еще и другія обстоятельства: слово $\acute{\alpha}\chi\omicron\mu\eta$ въ большинствѣ случаевъ здѣсь приводится безъ ударенія: $\acute{\alpha}\chi\omicron\mu\eta$: 4, 26; 15, 16; 17, 29; 18, 2; 24, 20; но дважды въ «Рѣчи тонкословія» встрѣчается $\acute{\alpha}\chi\omicron\mu\acute{\eta}$: 2, 13; 17, 24; съ отчетливой акцентовкой на послѣднемъ слогѣ. Подобное чередованіе двухъ формъ мы, опять таки, находимъ у поэтовъ XII—XIII вв. ¹⁾

Наконецъ, любопытно послѣдовательное употребленіе въ «Рѣчи тонкословія греческаго» среднегреческихъ описательныхъ формъ Futuri: 1) съ $\nu\acute{\alpha}+\text{coni.}$: $\nu\acute{\alpha}$ $\phi\acute{\alpha}\gamma\omega\mu\epsilon$ $\sigma\acute{\upsilon}\nu\tau\omicron\mu\alpha$ 2, 17; $\nu\acute{\alpha}$ $\upsilon\pi\eta\gamma\acute{\alpha}\iota\omega\mu\epsilon$ 2, 18; $\nu'\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}\sigma\omega$ 15, 28; $\nu\acute{\alpha}$ $\delta\acute{\omega}\sigma\omega$ 16, 23; 17, 19; $\nu\acute{\alpha}$ $\tau\omicron\nu$ $\acute{\epsilon}\rho\omega\tau\acute{\eta}\sigma\omega\mu\epsilon\nu$ 16, 30; $\nu\acute{\alpha}$ $\iota\delta\omicron\upsilon\mu\epsilon\nu$ 16, 30; $\nu\acute{\alpha}$ $\tau\omicron\nu$ $\iota\delta\acute{\omega}$ 2, 27; $\nu\acute{\alpha}$ $\mu\eta\delta\acute{\epsilon}\nu$ $\acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\acute{\alpha}\sigma\omega\mu\epsilon\nu$ 16, 24 и проч.—2) съ $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ $\nu\acute{\alpha}+\text{coni.}$: $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ $\nu\acute{\alpha}$ $\epsilon\acute{\upsilon}\rho\omega$ 14, 23; $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega\mu\epsilon$ $\nu\acute{\alpha}$ $\sigma\eta\kappa\alpha\theta\omicron\upsilon\mu\epsilon$ 2, 20; $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega\mu\epsilon$ $\nu\acute{\alpha}$ $\upsilon\pi\acute{\alpha}\mu\epsilon$ 2, 18; $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ $\nu\acute{\alpha}$ $\pi\acute{\alpha}\gamma\omega$ 2, 26 ²⁾ и т. д., вмѣсто чего въ современномъ языкѣ сокращенныя формы: $\theta\acute{\alpha}+\text{coni.}$, начинающія появляться въ памятникахъ съ XIII в. (см. Jannaris, Historical greek gr. 558).

На основаніи указанныхъ особенностей языка нашего памятника я считаю себя въ правѣ отнести его къ XIII в. Другія особенности языка «Рѣчи тонкословія греческаго» позволяютъ намъ опредѣлить тотъ среднегреческій говоръ XIII в., надъ которымъ главнымъ образомъ производилъ наблюденія авторъ нашего текста. Въ отлічіе отъ говоровъ греческихъ острововъ и Мореи, сѣверно-греческіе говоры, въ соотвѣтствіе древнимъ глаголамъ на — $\pi\tau\omega$: $\kappa\acute{o}\pi\tau\omega$, $\kappa\rho\acute{\upsilon}\pi\tau\omega$, $\beta\lambda\acute{\alpha}\pi\tau\omega$, $\nu\acute{\iota}\pi\tau\omega$ имѣютъ глагольныя формы на — $\phi\tau\omega$: $\nu\acute{\iota}\phi\tau\omega$, $\kappa\acute{o}\phi\tau\omega$ и на — $\beta\omega$: $\kappa\rho\acute{\upsilon}\beta\omega$, $\beta\lambda\acute{\alpha}\beta\omega$ и т. п. На островахъ этимъ формамъ соотвѣтствуютъ образованія съ «ирраціональнымъ спирантомъ γ »: $\nu\acute{\iota}\beta\gamma\omega$, $\kappa\acute{o}\beta\gamma\omega$ и т. п. (подробности Krumbacher, Ein irrationaler Spirant im Griechischen 411 sq.; Dieterich Untersuchungen 91 sq.; Hatzidakis, Einleitung 403 sq.).

Въ «Рѣчи тонкословія греческаго» въ большинствѣ случаевъ встрѣчаются эти материковыя формы на — $\phi\tau\omega$ и — $\beta\omega$: $\nu\acute{\iota}\phi\tau\omega$ 15, 19—20; 29, 20; $\kappa\rho\acute{\upsilon}\beta\omega$ 24, 5; $\beta\lambda\acute{\alpha}\beta\omega$ 10, 30 ³⁾ и т. д. Этотъ фактъ, на мой взглядъ,

долгихъ согласныхъ (Doppelkonsonanz), о чемъ Thumb, Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus, p. 20 sq. Но въ Р. Т. Гр. нѣтъ и слѣдовъ этой особенности кипрскаго нарѣчія. Съ предположеніемъ же, что $\acute{\epsilon}\nu\epsilon$ — понтійская особенность не согласуются иноязычные элементы нашего памятника (о которыхъ ниже стр. 454).

1) Срвни: Glykas 178; Lybistros 1424 и 3779; Kallimachos 2000 etc., см. Krumbacher, Geschichte der byzant. Litteratur² 857, Anmerk. 2; его же: Beiträge zu einer Geschichte der griechischen Sprache, Kuhns Zeitschr. XXVII, 498 sq.

2) См. средне-греческіе примѣры подобнаго образованія futuri: Jannaris, Historical greek grammar 557; Hatzidakis, Einleitung 309 Anmerkung.

3) Сюда же относятся многочисленныя формы на — $\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ (— $\acute{\epsilon}\nu\omega$): $\gamma\upsilon\rho\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ 3, 19; 19 30; 20, 2; 10; $\mu\alpha\chi\epsilon\iota\rho\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ 9, 30; (bis); 10, 1; 3; $\chi\alpha\rho\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ 12, 28; $\pi\omicron\rho\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ 20, 17; $\epsilon\iota\rho\eta\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ 19, 20; 22; $\pi\iota\sigma\tau\epsilon\acute{\upsilon}\omega$ 20, 15 и проч. Встрѣчающіяся рядомъ съ этими формами образованія на — $\beta\gamma\omega$: $\nu\acute{\iota}\beta\gamma\omega$ 7, 23; $\gamma\upsilon\rho\epsilon\acute{\upsilon}\gamma\omega$ 11, 6; показываютъ, что «ирраціональный спирантъ» въ это время уже существовалъ въ греческомъ языкѣ (что, впрочемъ, подтверждается и примѣрами Krumbacher'a, Ein irrationaler Spirant im Griechischen 368—379); очевидно онъ не встрѣчался въ говорахъ изученныхъ авторомъ «Рѣчи тонкословія греческаго».

вполнѣ опредѣленно указываетъ на материкъ, какъ на мѣсто возникновенія нашего памятника.

Въ сѣверно-греческихъ говорахъ, какъ извѣстно, наблюдается сѣуженіе неударяемаго вокализма *α, ο, ε* въ *ο, ι, ι* и исчезновеніе неударяемыхъ *и* и *ι*, какъ слѣдствіе того же фیزیологическаго процесса (см. Hatzidakis, Einleitung 342—353; Thumb, Handbuch d. neugr. Volkssprache 6). Цѣлый рядъ примѣровъ этого явленія мы находимъ въ «Р. Т. Гр.».

α) *ο*: ὀγαπᾷς ¹⁾ 11, 21; πένητος 17, 15; λάχονα 12, 5; μάλομμα 12, 25; τσογγάρις 13, 13; μῆνος 25, 21; ὀφτίν 26, 16; ὀρθούνιx 26, 18; и проч.

ο) *ι*: μυχῶρον 9, 5; τίνους (=τίνος) 25, 3; μχνᾷνου (=μχνᾷνω) 3, 25; καλουερίτσα 13, 16; καλουκαίρι 11, 16; κουλουθία 11, 20 (=ἰκολουθία); τραμουντάναx 34, 26; μουνουοικεῖν 32, 3; σκίπους 12, 20; и т. п.

ε) *ι*: πατέριx (=πατέρες) 27, 22; πιπόνιx 12, 7; κίνδυνιx 31, 29; (рядомъ съ συνφορές), χιλιδόνα 13, 17; καλόγερι 14, 26 и т. д.—Всѣ эти факты указываютъ на то, что въ «Рѣчи тонкословія греческаго» мы имѣемъ дѣло съ образцами сѣверно-греческаго нарѣчія.

Болѣе точному опредѣленію мѣста происхожденія нашего памятника помогаютъ другія обстоятельства: въ Р. Т. Гр. имѣется весьма много словъ иноязычнаго происхожденія:

Около 50 латинскихъ ²⁾: ἀκκουμπίζω 4, 12; ἄξούγγι 10, 15; ἄσπρος 30, 23; βίγλα 9, 21; βιγλάτοριx 9, 21; βουτσι 29, 30; βρακί 13, 19; βρακοζούνι 13, 20; γούνα 13, 21; γούργουρος 26, 20; δουχѣтон 14, 18; ἦσκα 13, 7; καβαλλικεύω 16, 8; 9; κάδος 30, 1; πεζοκαλίγι 13, 24; κхламáри 7, 2; поукá-μисо 13, 19; κάμπος, 12, 3; 8, 26; (дважды); канνáрин 9, 20; (дважды) ³⁾; кáρβουον 13, 9; кáστρον 12, 4; 23, 18; кáττος 18, 27; келлі 3, 15; китρινос 26, 8; κλεισοῦρα 21, 14; курсеуω 21, 16; 20, 29; куртѣλλα 13, 15; лaкινáx 9, 8; лaктѣндон 9, 13; мáγουло 26, 21; кaтaмáγουла 26, 22; мaνδѣтон 6, 17; 16; мaντίлин 7, 23; маῦρος 15, 23; 30, 22; мауриζω 29, 21; μεσáли 27, 19; пóрта 3, 17; 28, 7; рѣγaс 33, 18; ρодáκινон 12, 24 ⁴⁾; скамνί 18, 27; σκουτέλλι 29, 30; σουγλί 13, 14; σπίτι 12, 5; 28, 7; (дважды); τσαγγáριx 13, 13;

1) Если многія фонетическія явленія новогреческаго народнаго языка въ памятникѣ наблюдаются и въ литературныхъ формахъ, то это несомнѣнно указываетъ на распространенность данныхъ фонетическихъ явленій. Если же, съ другой стороны, въ транскрипціи фонетическихъ особенностей замѣтна нѣкоторая неспослѣдовательность (т. е. если, напр. неударяемое *α* не всегда передается чрезъ *ο* согласно сѣверно-греческому произношенію (см. Hatzidakis Einleitung 349), то это можетъ быть объяснено вліяніемъ языка Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ, съ которыми авторъ Р. Т. Гр. несомнѣнно былъ знакомъ, какъ видно изъ многочисленныхъ его цитатъ изъ этихъ книгъ (см. выше стр.).

2) Латинское происхожденіе нижеслѣдующихъ словъ доказано G. Meyer'омъ, Neugriechische Studien III, s. v.

3) Не соглашаясь съ Матовымъ, выводящимъ κхνѣρι изъ болг. серб. комар, (см. Матовъ, Гръцко-български студии 66), я нахожу вполнѣ возможной этимологію G. Meyer'a, Neugr. Stud. II, 82 изъ лат. саппа.

4) См. Th. Reinach, Revue des études gr. XII, 48—52; Krumbacher, Byz. Zeitschr. IX, 258.

29, 12; τσεκούρι 13, 3; φόρος 13, 28; 14; 5 (дважды); 15, 11; 26, 16; 7; 8; и проч.

Около 15 итальянских ¹⁾: ἀγάλι 22, 6, 31, 9; κάλτσα 13, 24; μπερέτα 13, 23; πούπολον 11, 9; σκούφιχ 13, 22; σπέτσια 9, 28; τέρμενο 30, 16; τραμουντάνας 34, 26; τρεμουλλα 9, 2; τσουκхλᾶς 29, 17; τσουκᾶли 29, 29; φουστάни 13, 20; σκρόφα 9, 12; и пр.

6 славянских ²⁾: βάλτος 11, 24 (см. ниже); γριβᾶδι: ³⁾ 11, 28; λοῦκх (=лыко) 12, 3; ρίσα (=ῥῆσος, см. G. Meyer, Neugr. St. II, 54) 12, 11; ροῦχο 29, 24; χουμέλι 32, 30 ⁴⁾ и пр.

6 турецких ⁵⁾: ζαγάри 12, 14; каβᾶди 13, 20 (см. М. Фасмеръ, Извѣстия XII, 2, 236); παπούτσι 13, 23; πᾶππια 9, 17 (см. Korsch, Archiv f. slav. Phil. IX, 488—489); τσхлῖω 30, 26; τσόχα 13, 21; 22.

Одно албанское: βάλτος 11, 24 (возможно и славянское происхождение см. Berneker, Nav. et Vb. 70; М. Фасмеръ, Жив. Старина XV, 4, 277—280. Meyer, Neugr. St. II, 64; Матовъ, Гръцко-български студии 55—56) и одно румынское: σουρουπιᾶζει (см. G. Meyer, Neugr. St. II, 78), 7, 13.

Присутствіе въ нашемъ текстѣ иноязычныхъ словъ въ родѣ βάλτος, σουρουπιᾶζει, ρίσα (рысь), λακνία табунъ, ххτхμάγουла високъ, λακτέndon, porcus lactens, πεζοκхлῖγи чулокъ и проч. прямо указываетъ на то, что «Рѣчь тонкословія греческаго» — образецъ средне-греческихъ говоровъ Θεσσαλίи, Μακεδονίи или Ἐпира, подвергшихся особенно сильному влѣйствію со стороны другихъ языковъ Балканскаго полуострова (см. Meyer, Neugr. St. II, 6—8), а также со стороны латинскаго и романскихъ (итальянскаго) языковъ (см. G. Meyer, Neugriechische Studien IV, 1—4).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ языкѣ «Рѣчи тонкословія греческаго» въ цѣломъ рядѣ случаевъ сочетаніямъ γγ, μβ соотвѣтствуютъ звонкіе смычные согласные: g, b (для νδ—d, кажется, нѣтъ примѣровъ): ἡβορῶ (=ἡμπορῶ) 5, 22; 18, 5; ἀστροφегιᾶ (=ἀστροφегγῖα) 7, 15; ἐσφουγίστην (=ἐσφουγγίστην) 7, 24; στρογυλό (=στρογγυλό) 20, 24; и проч. Въ настоящее время подобное произношеніе наблюдается въ говорахъ Кикладскихъ острововъ (см. Dieterich, Byzant. Zeitschr. X, 590; Thumb, Handbuch. d. neugr. Volksspr. 12), а также въ восточной Македоніи (Халкидика) и Θраκίи (см. Ψάλτης, Θρακικά 46—48). — Наконецъ, сочетание — σφ въ Р. Т. Гр. довольно часто передается чрезъ—св: это вполне соотвѣтствуетъ произ-

1) Итальянское происхождение этихъ словъ также доказано G. Meyer'омъ, Neugriechische Studien IV.

2) См. G. Meyer, Neugriech. Stud II; Д. Матовъ, Гръцко-български студии.

3) Слав. грива гораздо очевиднѣе, чѣмъ готск. grēva (о чемъ см. М. Фасмеръ, Извѣстия XI, 2, 404; ошибочно Loewe, Z. Z. XXXIX, 284; G. Meyer, Neugr. St. II, 82; Thumb, Germ. Abh. f. H. Paul 253 sq.).

4) Слово μερίτιχό попреки мнѣнію G. Meyer'a Neugr. St. II, 40, слѣдуетъ вывести изъ греч. μερίδι:χόν (см. Koraïs, ἙΛΛΗΝΙΣΜΟΙ I, 186; II, 243).

5) См. Miklosich, Die türkischen Elemente in den ost- und südosteuropäischen Sprachen I, II.

ношенію, наблюдаемому въ настоящее время въ восточной Македоніи (наше наблюдение). Срвни. Р. Т. Гр.: σβυρί 12, 29 (=σφυρί); σβυρόπουλλο 12, 29 (=σφυρόπουλλο); σβουγγίζω 29, 23; σβίχομα (=σφίγχομα) 21, 13 и проч.

Такимъ образомъ *большинство* звуковыхъ, формальныхъ и лексическихъ особенностей нашего памятника свидѣтельствуесть о происхожденіи его изъ восточной Македоніи. Но имѣются въ нашемъ памятникѣ и діалектическія особенности другихъ греческихъ говоровъ: рядомъ съ приведенными материковыми формами на — φτω и — βω (см. выше стр. 452 сл.) въ двухъ случаяхъ имѣются характеризующія говоры греческихъ острововъ формы съ «иррациональнымъ спирантомъ γ» послѣ согласнаго: γυρεύω 11, 6; νίβω 7, 23; (т. е. γυρεύω, νίβω=νίπτω, см. Krumbacher, Ein irrationaler Spirant im Griechischen 368—379; Hatzidakis, Einleitung 403 sq.).

Цѣлый рядъ діалектическихъ особенностей, встрѣчающихся въ «Рѣчи тонкословія греческаго», обнаруживаетъ знакомство автора памятника съ греческими говорами на южномъ берегу Чернаго моря. Сюда относится употребленіе формъ асс. sing. съ утратой конечнаго—ν на мѣстѣ nominativ'a, такъ назв. мнимое исчезновеніе конечнаго—ς (см. Hatzidakis, Einleitung 232—233; Oekonomides, Lautlehre des Pontischen 113 и 124): μύλο 13, 10; τύλλο ¹⁾ 13, 6; συχοφῶ 13, 17; λαμό 26, 20; πάτο 26, 29; λεφτουργό 29, 16; и т. д. Далѣе, ε на мѣстѣ др.-гр. η въ соотвѣтствіе общегреческому ι въ подобныхъ случаяхъ (см. G. Meyer, Griechische Grammatik ³ 133; Thumb, Handbuch der neugriech. Volksspr. 5): ἔρω 5, 1; 20, 19; μεχάνι 12, 28; πνεύριν 11, 3; и проч. Затѣмъ измѣненіе ι въ ε подъ влияніемъ ν (см. Dieterich, Untersuchungen 272—273; Oekonomides, Lautlehre des Pontischen 19): ἐνεχτίσσε 2, 19 и т. п. Наконецъ, и данныя словаря: στόμι, металлъ, укладъ, см. Karolidis, Γλωσσάριον ἑλληνοκαππαδοκικῶν λέξεων 214; κουτέλλα, веревка (вм. обычнаго κορδέλλα, о которомъ см. G. Meyer, Neugr. St. III, 32; Μουσαιοί, Βατταρισμοὶ λειβησιανῆς διαλέκτου s. v.); μεχάνι 12, 28; мѣхы ковачевы, см. Karolidis, Γλωσσάριον 193 и т. д. Кромѣ того, такъ какъ памятникъ относится къ XIII в., турецкія заимствованія въ родѣ ζαγάρι, πάππια, παπούτσι, τσакίζω, τσόχα ²⁾ естественнѣе всего могли быть услышаны авторомъ нашего памятника изъ устъ понтійскихъ грековъ.

Итакъ, особенности греческаго языка нашего памятника заставляютъ насъ отнести его къ говорамъ восточной Македоніи, но присутствіе въ текстѣ діалектическихъ чертъ другихъ греческихъ говоровъ, мнѣ ка-

1) Р. Т. Гр. τύλλο деревянный засовъ у бочки. Можетъ быть такъ слѣдуетъ толковать слово τύλλος Dion. Cass. 79, 20, 2, не понятое Sophoclis'омъ, Lexicon 1099.

2) См. Miklosich, Die Türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen, I, II, Nachträge I, II.—Denkschriften d. Wien. Akad. Band 34, 35, 38, Wien 1884—90.

жется, позволяет намъ точнѣе опредѣлить мѣстность, въ которой жилъ авторъ нашего текста во время своего пребыванія на Балканскомъ полуостровѣ: *мѣстностью, въ которой встрѣчались представители даже самыхъ отдаленныхъ греческихъ говоровъ, съ значительнымъ преобладаніемъ сѣверно-греческихъ діалектовъ, въ XIII в. могъ быть только Авоны. Безъ сомнѣнія при посѣщеніи Авоны и составлена «Рѣчь тонкословія греческаго» въ XIII в. ¹⁾*

Значеніе памятника для исторіи греческаго языка такимъ образомъ заключается въ томъ, что въ немъ отмѣчены многочисленныя діалектическія особенности греческихъ говоровъ (въ отличіе отъ среднегреческихъ текстовъ, см. Hatzidakis Einleitung 234—245). Традиціонная литературно-греческая рѣчь въ «Р. Т. Гр.» обнаруживается въ немногихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ отрывкахъ изъ богослужебныхъ книгъ. Напротивъ, народно-греческіе отрывки памятника обнаруживаютъ языкъ, вполне почти свободный отъ вліянія народно-греческихъ поэтовъ и писателей болѣе ранней эпохи, въ родѣ Продрома, Глики и пр., и въ виду этого обстоятельства для лингвиста-ислѣдователя греческаго языка византійской эпохи Р. Т. Гр. имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ народно-греческія поэмы XII—XIV в., въ которыхъ отражается лишь народно-греческая Κοινή ²⁾. Итакъ, если въ настоящее время наиболѣе цѣннымъ памятникомъ средне-кипрскаго нарѣчія признаются Кипрскія хроники Леонтія Махеры и Георгія Вустронія (XV в. см. G. Meyer, Il dialetto delle

1) Проф. Н. К. Никольскій во время преній послѣ нашего доклада замѣтилъ, что для подобной датировки не менѣе важенъ славянскій текстъ Р. Т. Гр., но *все содержаніе* этого послѣдняго, по его мнѣнію, свидѣтельствуетъ о томъ, что памятникъ составленъ въ XV в. Подтвердить это свое положеніе указаніемъ ряда особенностей изъ памятника нашъ оппонентъ не могъ; мы сами въ данный моментъ также не были въ состояніи его опровергнуть, хотя не видѣли въ его замѣчаніи «уничтоженія» нашихъ выводовъ. Теперь же мы находимъ въ Р. Т. Гр. цѣлый рядъ фактовъ, подтверждающихъ нашу датировку: измѣненіе сочетаній кы, гы, хы въ ки, ги, хи въ новгородскихъ памятникахъ наблюдается со 2-ой половины XIII в. Въ подлинникѣ нашего текста мы имѣемъ основаніе предположить существованіе болѣе древнихъ кы, гы, хы, ибо автору Р. Т. Гр. позднѣйшія ки, ги, хи были до того чужды, что онъ придерживался написаній съ ы не только въ русскихъ (см. Н. К. Никольскій, Рѣчь тонкословія греческаго 9, 22; 8, 30; 13, 19; 22; 23; и т. д.), но и въ греческихъ словахъ: (λῆχοι) лаки 8, 30; (χῆνα) хына 9, 16; (ποντικί) пондики 9, 18; (χαρκίς) харкыасъ 12, 27; (ὑπάγει) ипагы 16, 24; πεзоκαλίгы (πεζοχαλίγι) 13, 24; (δαμάσκηνα) дамасына 12, 23; (σχοτορίχι, см. Аенов, Θρακία Σύλλογος VIII, 530) киндурики 12, 16; (ἐνπλοκή) енплокы 33, 22; (εἰρηνική) йриники 6, 19; (ἐχιδνα) ѣхыдна 12, 15; (σιβίχι) сивики 12, 17; (χαλίχι) халики 13, 7; (βραχί) браки 13, 19; и т. д. Это подтверждаетъ нашу датировку памятника (см. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго языка³ стр. 128—131).

2) Догадка, что Р. Т. Гр. дѣйствительно свободна отъ традиціи языка народно-греческихъ поэтовъ болѣе ранняго времени, оправдывается тѣмъ, что авторъ нашего текста изучилъ народно-греческій языкъ далеко не до совершенства: неправильныя выраженія въ родѣ ἀχομή οὐδὲν χαῖρος (scil. ἔνε) 24, 20; κανεῖς εἰς ἐκεῖνον 29, 4 (scil. ἔνε) и проч. необъяснимы, если предположить, что онъ раньше занимался чтеніемъ средне-греческихъ текстовъ.

cronache di Cipro, Rivista di filol. IV, 255; его же: Romanische Wörter im Kyprischen Mittelgriechisch, Jahrbuch f. roman. u. engl. Sprache u. Literatur XV, 33 sq.), если главнымъ источникомъ для изученія Константинопольскаго говора XV—XVI вв. считается народно-греческій переводъ Моисеева Пятикнижія въ еврейской транскрипціи 1547 г. (см. Hesseling, Les cinq livres de la loi... Leiden 1897), а народно-греческая книга Іоны (см. Hesseling, Byzant. Zeitschr. X, 208—217) — лучшимъ образцомъ средне-греческаго нарѣчія юговосточныхъ острововъ Эгейскаго моря (см. Thumb, Indogerm. Forsch. Anzeiger XIV, 80), то «Рѣчь тонкословія греческаго» несомнѣнно должна быть признана наиболѣе цѣннымъ памятникомъ восточно-македонскаго говора XIII в.

Памятникъ особенно важенъ для хронологіи фонетическихъ и формальныхъ измѣненій въ греческомъ языкѣ. Изъ того, напр., что въ немъ встрѣчается цѣлый рядъ примѣровъ сѣверно-греческаго суженія неудараемаго вокализма, прямо явствуетъ ошибочность мнѣнія Hatzidakis'a (Einleitung 348), относящаго зачатки этого явленія къ XVI в. Впрочемъ, ошибочность его мнѣнія доказывается и инымъ путемъ: въ старославянскихъ памятникахъ имѣются формы: ꙗпискоуѣтъ, ꙗпискоуѣнниа и проч. (см. Miklosich, Lexicon Palaeoslovenicum 1158 s. v.), **оу**рарь (ὠρῶν) Супрасл. рук. 38; и др. (см. Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ: Фонетика 27), гдѣ *у* вм. *о* можетъ быть объяснено только указанной особенностью сѣверно-греческихъ говоровъ. Такимъ образомъ зачатки этого фонетическаго явленія должны быть отнесены по крайней мѣрѣ къ X вѣку (см. М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 210).

Весьма интересенъ нашъ памятникъ и въ лексическомъ отношеніи: въ немъ мы находимъ множество словъ не отмѣченныхъ въ среднегреческихъ памятникахъ, но подтверждаемыхъ современными діалектическими словарями, главнымъ образомъ, Θεσσαλίи и Μακεδονίи. Напр. **μούρσι**, яма (= **μούρσα** Epirus Μνημεῖα I, 48); **ἀνοχτᾶρι** 28, 10: 13, 4; (**Σακελλᾶριος**, Κυπριακά s. v.); **κυπρινάρι** (= **κυπρίνος**) 11, 28; **κοκκινόματι** 11, 29; **τσιβίχι** (G. Meyer, Neugr. Studien IV, 93), 12, 17; **σχοτορίχι** 12, 16 (см. G. Meyer, Neugriech. Stud. II, 96) и проч. ¹⁾). Значить, Р. Т. Гр. *свидѣтельствуе*тъ о существованіи всѣхъ этихъ словъ уже въ XIII вѣкѣ.

Мы постарались въ общихъ чертахъ указать значеніе «Рѣчи тонкословія греческаго» для исторіи греческаго языка, теперь переходимъ къ обсужденію другого важнаго вопроса — о *національности автора нашего памятника*: что онъ славянинъ, въ этомъ насъ убѣждаетъ рядъ неpravильностей греческой рѣчи; напр. **πότε νά γενηῖ καίρός** 16, 27; вм.... **ὁ καίρός**; **καὶ ἀδελφός** εἰρηνεύει 19, 22; вм.... **ὁ ἀδελφός**; **ἅγιος ὅνη σου** 24, 18; (вм. **ἡ ἅγιος ὅνη**); **ὁ ἅγιος πνεῦμα** вм. **τὸ ἅγιον πνεῦμα** 25, 15; и т. д. ²⁾). Кромѣ

¹⁾ Эти интересные лингвистическіе матеріалы въ подробности будутъ использованы нами для исторіи греческаго языка въ указанной выше работѣ.

²⁾ См. примѣчаніе 2 стр. 456.

того въ Р. Т. Гр. встрѣчается рядъ выраженій въ родѣ «вѣсьмъ гречинѣ, но русинѣ есмь», 15, 3; да пойдѣмъ на Русь, 33, 5; и т. п. Но эти выраженія свидѣлствуютъ лишь о томъ, что текстъ предназначался для русскихъ читателей; они не даютъ намъ права видѣть въ этомъ указаніе на русское происхожденіе Р. Т. Гр. вмѣстѣ съ первымъ издателемъ этого памятника (см. Н. К. Никольскій, Рѣчь тонкословія греческаго стр. IV—V).

Рѣшенію вопроса опять способствуютъ лингвистическія данныя: правда, среди фонетическихъ особенностей языка Р. Т. Гр. (поскольку онѣ передаются въ письмѣ) мы находимъ не мало руссизмовъ (сравни Никольскій, Рѣчь тонкословія стр. IV, прим. 1), но не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ подлинникомъ, а лишь съ позднѣйшими копіями (см. Никольскій Р. Т. Гр. XIV и выше стр. 448), въ которыя подобные руссизмы могли быть внесены переписчиками. Значитъ остается обратиться къ словарю: здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ русскихъ словъ ¹⁾: арбузъ 12,8; булатъ 1,18; бѣлка 12,12; горностаѣ 12,18; жемчугъ 13,6; жестъ 1,18; и волга 13,17; изгага 9,7; кадь 29,30; капуста 12,5; сапогъ 13,23; соболю 12,12; таганъ 29,20; уклея 11,20; ящерица 12,16 и проч. Итакъ русское происхожденіе «Рѣчи тонкословія греческаго» не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если же памятникъ составленъ въ XIII вѣкѣ русскимъ авторомъ, то мы имѣемъ право предположить, что въ это время на Руси уже порядочно было распространено знаніе греческаго языка ²⁾, — выводъ довольно цѣнный для исторіи русской культуры, если только онъ подтвердится другими данными. Судя по содержанію Р. Т. Гр., авторъ ея — монахъ или вообще лицо духовнаго званія, отправившееся на Аѳонъ и на пути остановившееся въ Константинополѣ ³⁾. Это былъ или паломникъ или монахъ, отправленный въ Византію для исправленія богослужебныхъ книгъ. Иначе, мнѣ кажется, трудно было бы объяснить обиліе богословскихъ терминовъ, цитатъ изъ богослужебныхъ книгъ, молитвъ и проч. (см. выше стр. 449), въ которыхъ обнаруживается хорошее зна-

1) Хотя нѣкоторые изъ этихъ словъ и встрѣчаются въ западно-славянскихъ языкахъ, но южно-славянскимъ они, сколько я знаю, вполне чужды.

2) Значитъ Климентъ Смолятичъ, въ посланіи къ смоленскому пресвитеру Ѳомѣ въ словахъ: «Григорей зналъ аѳѳу, яко же и ты, и виту, подобно или всю 20 и 4 словесъ грамоту, а слышиши ты, у мене мужи (есть, находятяся), иже есмь самовидецъ, иже можетъ одинъ рещи аѳѳу не реку на сто, (но) или двѣсти или триста и 4 ста, а виту такоже» вопреки мнѣнію акад. Голубинскаго (Вопросъ о заимствованіи домонгольскими русскими отъ грековъ такъ называемой схедеографіи, въ «Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ» IX, II (1904), стр. 49—59; его же: Исторія русской церкви I, 1² стр. 846 сл.) могъ имѣть въ виду именно греческіе схедеографическіе лексиконы. Догадка эта вѣроятна не только въ виду греческихъ названій буквъ у Климента, но и въ виду числа этихъ буквъ (24).

3) Древнѣйшіе русскіе паломники, какъ извѣстно, относятся уже къ XII—XIII вв. (см. Пыпинъ, Исторія русской литературы² I 120). Новгородскій архіепископъ Антоній, напр., странствовалъ въ Царьградъ уже около 1200 г. (см. Пыпинъ, Исторія русской литературы I², стр. 375—378).

комство автора Р. Т. Гр. съ книгами Св. Писанія и сказывается традиція языка этихъ книгъ, отъ которой вполне свободны тѣ главы нашего текста, гдѣ приводятся народно-греческія названія животныхъ, рыбъ и проч., придающія нашему памятнику особенную цѣнность (см. стр. 449). Впрочемъ, при оцѣнкѣ греческаго языка нашего текста постоянно приходится считаться съ однимъ затрудненіемъ, съ которымъ, однако, имѣютъ дѣло и изслѣдователи другихъ «иностранныхъ» (точнѣе: «пноазбучныхъ») источниковъ для исторіи греческаго языка (см. Hatzidakis, Einleitung 278—284): такъ какъ текстъ составленъ иностранцемъ, то въ греческой его части могутъ быть подмѣнены «варваризмы», которые ни коимъ образомъ не могутъ считаться особенностями греческаго языка данной эпохи, а принадлежать русскому автору Р. Т. Гр. (см.: выше стр. 456 сл.). Сюда напр. относится передача греческаго ϑ чрезъ русскія *т, е, ф*, безъ всякой послѣдовательности (см. Никольскій, «Рѣчь тонкословія греческаго», стр. XVII). Здѣсь мы уже не можемъ съ увѣренностью говорить о диалектическихъ особенностяхъ Анатолиі (гдѣ ϑ въ произношеніи совпало съ *τ*, см. Thumb, Handbuch der neugr. Volkssprache 14) или Понта и Каппадокии (гдѣ общегреческому ϑ соответствуетъ *φ*, см. Hatzidakis, Einleitung 158; Foy, Lautsystem 32), а должны искать объясненія на русской почвѣ. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ звука ϑ , поэтому авторъ Р. Т. Гр. точно передать этого греческаго звука не могъ въ русской транскрипціи (примѣры изъ другихъ древне-русскихъ памятниковъ у Соболевскаго, Лекціи по исторіи русск. яз.³ стр. 44—45). Вообще народно-греческія выраженія, встрѣчающіяся въ нашемъ памятникѣ, могутъ быть приняты и разсматриваемы какъ «средне-греческія формы только при существованіи подобныхъ же формъ въ современныхъ греческихъ говорахъ, или же если эти формы подтверждаются этимологіей словъ¹⁾. Необходимость соблюденія этого правила при изученіи иноязычныхъ матеріаловъ для исторіи греческаго языка неоднократно подчеркивалась Hatzidakis'омъ (Literar. Centralblatt 1898, 1583—85) и Thumb'омъ (Indogerm. Forsch. Anzeiger XIV, 80).

«Рѣчь тонкословія греческаго» имѣетъ интересъ и для изслѣдователей русскаго языка: прежде всего текстъ весьма существенно обогащаетъ

1) Это правило недостаточно принималось во вниманіе нашими лингвистами, въ особенности акад. А. И. Соболевскимъ (см. Р. Ф. В. IX, 274). Вообще слѣдуетъ замѣтить, что для опредѣленія произношенія ϑ , въ средне-греческомъ языкѣ славянская (въ частности русская) транскрипція имѣетъ весьма ограниченное значеніе: въ виду отсутствія у себя звука ϑ , славяне передавали его, согласно своему непостоянному произношенію глухого переднеязычнаго спиранта, чрезъ *т, е, ф* безъ всякой послѣдовательности. Ссылки А. И. Соболевскаго на албанск. *frop*= $\vartheta\rho\acute{o}\nu\sigma$, румынск. *firidi-le*=греч. $\vartheta\rho\acute{\iota}\delta\iota$: ничего не доказываютъ въ пользу губнаго произношенія спиранта ϑ (т. е. въ пользу ϑ =*φ*), ибо могли попасть къ этимъ народамъ чрезъ посредство именно *славянъ*. Албанское *frop* вм. * $\vartheta\rho\acute{o}\nu$, кромѣ того наблюдается въ Каппадокии (см. G. Meyer, Albanes. Wörterb. 111—112), и очевидно появилось подъ влияніемъ грековъ въ южной Италиі.

Примѣры эти показываютъ, что въ эпоху нашего памятника, въ XIII в. измѣненіе *e* въ *o* на русской почвѣ уже состоялось, иначе авторъ Р. Т. Гр. врядъ ли передалъ бы греческое *jo* чрезъ русское *e*. На основаніи этихъ примѣровъ измѣненіе *e* въ *o* въ русскомъ языкѣ должно быть отнесено по крайней мѣрѣ къ XII в. (см. М. Фасмеръ, Извѣстія XI, 2, 386 сл.).

Н. К. Никольскій въ предисловіи къ своему изданію нашего текста уже указалъ на «Рѣчь тонкословія» какъ на источникъ греческихъ словъ въ древне-русскихъ азбуковникахъ или алфавитахъ иностранныхъ рѣчей (см. Никольскій, Рѣчь тонкословія греческаго XXII—XXVIII). Если же въ азбуковникахъ помимо словъ, встрѣчающихся въ Р. Т. Гр., имѣются другія греческія слова, то эти послѣднія могли быть заимствованы или изъ другихъ источниковъ или изъ болѣе полнаго списка нашего памятника. Для меня болѣе вѣроятнымъ кажется первое предположеніе проф. Никольскаго, уже потому, что Р. Т. Гр. представляетъ собой вполне законченное цѣлое. Она начинается довольно пространнѣмъ перечнемъ богословскихъ терминовъ (см. стр. 449), которые, вполне естественно, прежде всего обратили на себя вниманіе паломника, а заканчивается отдѣломъ: *названія вѣтрѣмъ*, очевидно составленнымъ авторомъ уже на обратномъ путешествіи изъ Византіи въ Россію, морскимъ путемъ. Такимъ образомъ греческія слова азбуковниковъ, кромѣ Р. Т. Гр.,

восходить еще къ другимъ источникамъ. Безъ сомнѣнія, часть этихъ словъ списана изъ разныхъ русскихъ переводовъ богослужебныхъ книгъ, часть же заимствована изъ неизвѣстнаго намъ источника. Возстановить, по возможности, этотъ утраченный источникъ, въ которомъ имѣется цѣлый рядъ словъ не отмѣченныхъ въ среднегреческихъ памятникахъ, въ родѣ βαρελλάχι (Алфавитъ Погод. собр. Имп. Публ. Библ. № 1642 л. 28); γεναίχα (Алфав. Погод. № 1642 л. 38); τραπεζάρις (Погод. № 1643 л. 118); δάσχαλος (Погодинск. № 1648 л. 18) и проч.—это—задача, правда довольно трудная для тѣхъ, кто соединяетъ византійскіе интересы со славянскими. Несомнѣнно этотъ, возстановляемый путемъ сравнительнаго изученія азбуковниковъ, источникъ для исторіи греческаго языка, не смотря на свое болѣе позднее происхожденіе, будетъ имѣть не меньшее значеніе, чѣмъ «Рѣчь тонкословія греческаго».

Нѣмецкіе изслѣдователи исторіи греческаго языка, покойный G. Meyer (Türkische Studien I, 1 sq.) и A. Thumb (Archiv f. Papyrusforschung II, 406 sq.; Byzant. Zeitschr. IX, 388 sq.; Ind. Forsch. Anzeiger VI, 56 sq.; IX, 122 sq.; XIV, 80 sq.) не разъ уже подчеркивали цѣнность греческихъ заимствованій въ восточныхъ языкахъ для исторіи греческаго языка съ александрійской эпохи (эпохи образованія той народной Κοινή, отъ которой ведутъ свое начало современные новогреческіе говоры) до нашихъ дней. Слишкомъ мало вниманія, до сихъ поръ, обращалось на греко-славянскія языковыя отношенія и на тѣ цѣнные матеріалы, которые входятъ въ составъ первыхъ словарныхъ и филологическихъ трудовъ въ древне-русской письменности. Цѣль настоящей статьи будетъ достигнута, если она вызоветъ интересъ къ этой обширной, но весьма еще не разработанной области.

СПБ. 8 Апрѣля 1906 г.

М. Фасмеръ.

2. ХРОНИКА.

Chronique byzantine et médiévale de Palestine.

I. Ecoles archéologiques, conférences et fouilles.

L'Institut archéologique allemand à Jérusalem a commencé, pour l'année 1904—1905, la publication d'un «Palästina-Jahrbuch», Berlin, Mittler und Sohn, in - 8° de 125 pages et 4 planches, qui doit faire connaître les travaux de l'école et servir de lien entre les membres de cette école, une fois qu'ils en seront sortis. On sait que la durée de leur séjour à Jérusalem est fixée à un an. Ce premier volume contient les documents officiels relatifs à la fondation de l'œuvre, le compte-rendu des travaux accomplis jusqu'à ce jour et les résultats d'un voyage scientifique à travers la Palestine, fait en 1905 par les six pensionnaires sous la direction de M. M. Dalman et Volz.